

съ ними какъ бы въ качествѣ вождя—Своего ангела. Опечалился на это Моисей и изъ нежеланія Бога идти вмѣстѣ съ народомъ совершенно правильно умозаключилъ, что божественный гнѣвъ еще не достигъ полнаго прекращенія. И вотъ онъ снова сталъ прилежно просить Господа идти съ ними, зная, что одно только руководство ангела будетъ недостаточно для Израильтянъ, или же быть можетъ опасаясь за немощь народа, почему и отказывается отъ ненавидящихъ зло святыхъ ангеловъ и умоляетъ благаго и человѣколюбиваго Царя и Господа всяческихъ Самому присутствовать среди столь удобопреклонныхъ къ преступленіямъ (Израильтянъ). Зналъ онъ, что не разъ, но весьма часто Господь будетъ оказывать имъ снисхожденіе и подавать милость къ ихъ прегрѣшеніямъ.

Соблаговолилъ и на это Богъ. Потомъ (Моисей) для яснаго удостовѣренія и доказательства того, что дано полное прощеніе, онъ сталъ просить знаменія отъ Него, именно—видѣть Его. „Если, говоритъ, я обрѣлъ благодать у Тебя, яви мнѣ Себя Самого, чтобы мнѣ ясно видѣть Тебя, какъ скоро я обрѣлъ благодать у Тебя и дабы „мнѣ знать, что народъ сей великій есть Твой народъ“ (Исх. 33, 13). Совершилъ и это Богъ, насколько было доступно, во всемъ удостовѣряя служителя Своего, именно и что оставилъ Онъ грѣхъ народу и что пойдетъ съ нимъ въ землю обѣтованія. Потомъ въ заключеніе какъ бы налагая вѣнецъ какой на свои обѣтованія, повелѣваетъ ему вытесать другія двѣ доски, очевидно вмѣсто сокрушенныхъ прежнихъ, чтобы снова начертать ему законъ, представляя и въ этомъ не малое доказательство Своего къ нимъ милосердія.

Когда же Моисей приготовился къ этому, „сошелъ

Господь въ облакѣхъ, какъ написано (Исх. 34, 5—7), и предсталъ предъ нимъ тамъ и призвалъ именемъ Господа. И прошелъ Господь предъ лицомъ его и воззвалъ: „Господь Богъ благосердый и милостивый, долготерпѣливый, многомилостивый и истинный, соблюдающій правду, творящій милость къ тысячамъ, отъемляющій грѣхи, беззаконія и неправды,—Онъ не очиститъ виновнаго, наводя грѣхи отцовъ на дѣтей и на дѣтей дѣтей на третій и четвертый родъ“.

Рѣчь здѣсь совершенно ясная. Возвращусь къ поставленному въ началѣ вопросу. Богъ утверждаетъ, что Онъ имѣетъ Богу подобающую кротость и нѣкое несравненное человѣколюбіе, ибо, полагаемъ, это—Его рѣчь, а не другого кого либо, и именно премудраго Моисея, какъ думаютъ нѣкоторые, возносящаго за народъ благодарственныя молитвы. Что это говоритъ о Себѣ Самъ Владыка всяческихъ, въ этомъ удостовѣритъ насъ не другой кто, а самъ же блаженный Моисей въ книгѣ Числъ, когда Израиль немудреною трусостью снова оскорбилъ Бога тѣмъ, что нѣкоторые стали порицать землю обѣтованія, именно тѣ, кои по повелѣнію Господа были посланы Моисеемъ для осмотра ея. Какъ только возвратились они изъ земли иноплемениковъ, пришли опять къ народу и стали изрекать о ней горькія слова, утверждая, что это страна столь дикая и звѣрская, что можетъ истребить поселившихся на ней. Этимъ они приволили слушателей въ такое отчаяніе, что они обливались слезами и желали возвратиться къ работамъ Египетскимъ. „Поставимъ, говорили они, вождей и пойдемъ въ Египетъ“ (Числ. 14, 4). И когда Богъ грозилъ истребить ихъ, Моисей опять сталъ умолять Его и выступаетъ предъ Богомъ какъ бы съ напоминаніемъ о данномъ Имъ ему обѣщаніи, говоря

такъ: „и теперь да вознесетъ сила Твоя, Господи, соотвѣтственно тому, что изрекъ Ты въ словахъ: Господь, долготерпѣливый, многомилостивый, истинный, отнимающій беззаконія, неправды и грѣхи,—и очищеніемъ не очиститъ виновнаго, воздавая за грѣхи отцовъ на дѣтяхъ до третьяго и четвертаго рода: оставь грѣхъ народу Твоему по великой милости Твоей, какъ милостивъ къ нимъ былъ отъ Египта до нынѣ“ (Числ. 14, 17—19). Оказывается такимъ образомъ, что сущій надъ всѣми Богъ Самъ свидѣтельствуетъ о Своемъ человѣколюбіи и крайнемъ долготерпѣніи.

Но слѣдуетъ наконецъ уяснить причину того ложнаго мнѣнія Іудеевъ, что благій нашъ Богъ какъ бы злопамятенъ и тяжелогнѣвенъ.

Отнюдь конечно не думаю, чтобы они какимъ бы то не было образомъ могли направляться противъ божественныхъ писаній или служить обвиненіемъ противъ нихъ въ отсутствіи въ нихъ полнаго совершенства, но единственно только невѣжеству своему они обязаны тою мыслию, что будто бы дѣйствительно Богъ наводитъ грѣхи родителей на дѣтей и что божественный гнѣвъ по своей продолжительности простирается даже до третьяго и четвертаго рода и несправедливо наказывать ни чѣмъ не согрѣшившихъ за то, въ чемъ обвиняются другіе. Напротивъ того, если бы кто былъ мудръ у нихъ, не слѣдовало ли надлежащимъ образомъ разсуждать такъ, что Источникъ правды и нашей нравственности не можетъ совершить неправды? Вѣдь люди налагаютъ опредѣляемые закономъ наказанія на законопреступниковъ, отнюдь не касаясь питомковъ ихъ, если конечно эти послѣдніе не окажутся совинниками и соучастниками преступленій. А Тотъ, Кто и намъ опредѣлилъ

законы всякой правды, какимъ образомъ могъ бы оказаться почитателемъ даже и у насъ самихъ рѣшительно осуждаемыхъ предметовъ?

Далѣе, надо кромѣ того имѣть въ виду и вотъ что. Многочисленные установилъ Онъ чрезъ Моисея законы и разнообразны назначилъ наказанія живущимъ нечестивою жизнью. Но нигдѣ не является Онъ учреждающимъ подвергаться наказаніямъ вмѣстѣ съ согрѣшающими и ихъ потомкамъ. На преступниковъ только и виновныхъ противъ закона опредѣлилъ Онъ наказанія. Поэтому нечестиво думать по іудейски, но мудрый долженъ всегда имѣть въ виду свойства божественной природы и повсюду соблюдать подобающее царственному надъ всѣмъ естеству (божескому).

Такимъ образомъ со всею справедливостію мы должны думать, что Богъ всяческихъ, выставляя какъ бы на видъ присущее Ему милосердіе и желая вызвать уваженіе къ крайнему Своему человѣколюбію, и для этого восклицая: „Господь долготерпѣливъ и многомилостивъ, истиненъ, отнимаетъ беззаконія и грѣхи“ (Числ. 14, 18),—не пожелалъ бы почитаться столь злопамятнымъ, что простираетъ гнѣвъ Свой даже на четвертый родъ. Какъ же при этомъ Онъ будетъ долготерпѣливъ и многомилостивъ, или какимъ образомъ отъемлетъ грѣхи и беззаконія, если не ограничивается соразмѣрнымъ наказаніемъ на голову преступника, но простираетъ далѣе третьяго рода и подобно какому вихрю нападаетъ на невинныхъ? Итакъ, совсѣмъ невѣроятно и граничить съ крайнею глупостію думать, что Богъ свидѣтельствуешь объ одновременномъ присутствіи у Него не только человѣколюбія и милосердія, но и столь продолжительнаго и неразумнаго гнѣва.

Потомъ, кромѣ того мыслящіе по іудейски должны

предполагать и еще нѣчто другое, именно что Богъ не знаетъ подобающаго для каждой вещи времени. Если общается быть долготерпѣливымъ и оказывается такъ легко отлагающимъ Свой гнѣвъ, то чего же ради еще и прибавляетъ: „наводя грѣхи отцовъ на дѣтей до третьяго и четвертаго рода“? Дѣлать это значило бы не иное что, какъ желать устрашать принимающихъ отъ Него оставленіе преступленій, что у нихъ не должно оставаться никакой надежды, если такъ злопамятенъ и такъ долго держитъ Онъ справедливый гнѣвъ свой за оскорбленіе Себя ими. Чѣмъ же, скажи мнѣ, окажется тогда предъ нами и самъ священноучитель Моисей? Не явится ли онъ совершителемъ неразумнѣйшаго дѣла, если, когда Израиль оскорбилъ Бога и долженъ былъ подвергнуться наказанію, приступаетъ съ молитвою и, прося прощенія и человѣколюбія у Бога, неблагоприятно говорить къ Богу: потому что Ты обыкновенно таковъ, что воздаешь за грѣхи отцовъ на дѣтяхъ дѣтей. Это скорѣе значило бы поощрять къ гнѣву, чѣмъ призывать къ милости,—и просить о злопамятствѣ, а не о долготерпѣніи. Но чрезъ эти слова, по моему мнѣнію, онъ думалъ упросить Бога и какъ бы привести Ему на память то, что Самъ Онъ провозгласилъ, когда объявлялъ о присущей Ему благодати. Что Онъ долготерпѣливъ и многомилостивъ и что Ему свойственно отнимать грѣхи и беззаконія, вотъ что открывается изъ этихъ словъ, въ коихъ повидимому указывается на Его жестокость.

Итакъ, какъ надо разумѣть эти слова Бога, объ этомъ, полагаю, надо наконецъ сказать. „Господь, говоритъ, долготерпѣливъ и многомилостивъ, отнимаетъ беззаконія и грѣхи“ (Исх. 34, 6—7). Слѣдующее же затѣмъ рядомъ изреченіе надо понимать какъ вопросъ

и читать съ вопроснымъ знакомъ: „и очищеніемъ не очиститъ ли виновнаго?“ (ст. 7),—чтобы ты разумѣлъ изреченіе въ такомъ смыслѣ: долготерпѣливый, говоритъ, и многомилостивый Богъ, отъемлющій беззаконія и грѣхи, развѣ не сможетъ очистить виновнаго очищеніемъ? Но это несомнѣнно,—очиститъ конечно,—въ противномъ случаѣ какимъ образомъ Онъ долготерпѣливъ и многомилостивъ и совершенно отъемлетъ грѣхи, если не очищаетъ виновнаго? При этомъ для доказательства присущаго Ему долготерпѣнія и милосердія приводитъ и то, что грѣхи отцовъ Онъ возложитъ на дѣтей до третьяго и четвертаго рода,—не наказуя сына за отца,—не подумай этого,—и не налагая на отдаленнаго потомка, какъ бы бремя какое, грѣхи предковъ. Нѣтъ, Онъ указываетъ на нѣчто подобное слѣдующему.

Есть, на примѣръ, какой нибудь человѣкъ беззаконный, съ душею, исполненною всякой порочности. Избравшему такой образъ жизни надлежитъ безъ всякаго промедленія подвергаться наказанію, однакоже Богъ долготерпитъ милосердо и не подвергаетъ его подобающему ему гнѣву. Потомъ у него является сынъ, не уступающій отцу въ нечестіи и превосходящій порочностію своего родителя. И къ нему долготерпитъ Богъ. И отъ него явился и третій или отъ третьяго четвертый, нисколько не уступающій своимъ отцамъ во всякаго рода порокахъ и упражняющійся въ равномъ съ ними нечестіи. Тогда наконецъ Богъ наводитъ Свой превышній и съ самаго начала всему роду долженствуемый гнѣвъ, долготерпѣвъ достаточно,—даже болѣе, чѣмъ подобало. Въ самомъ дѣлѣ, отсрочка наказанія до четвертаго рода, развѣ это не служитъ къ похвалѣ истинно божественнаго милосердія? Что ни сына за отца, какъ и ни отца

за сына не свойственно Богу наказывать, безъ труда можно узнать это и изъ ясныхъ словъ Іезекііля пророка къ самимъ Іудеямъ, изъ-за этого самаго именно и роптавшихъ и говорившихъ: отцы ѣли кислый виноградъ, а зубы дѣтей получили оскомину. „И было, говорить, слово Господа ко мнѣ, говоря: сынъ человѣческій, что у васъ за притча эта въ Израилѣ: отцы ѣли кислый виноградъ, а зубы дѣтей получили оскомину? Живу я, говоритъ Господь, если будетъ притча эта еще говориться въ Израилѣ, потому что всѣ души Мои суть, какимъ образомъ душа отца, такъ и душа сына, Мои суть: душа согрѣшающая—она умретъ, а сынъ не получитъ за беззаконіе отца, ни отецъ не получитъ за беззаконіе сына своего,—каждый въ беззаконіи своемъ, коимъ согрѣшилъ, умретъ въ немъ“ (Іезек. 18, 1—4. 20—24).

Но, полагаю, никто не подумаетъ такого вздора, что Богъ не съ самаго начала опредѣлилъ совершеннѣйшій законъ, а какъ бы мѣнялъ Свой намѣренія и передумывалъ къ лучшему, и подобно одному изъ насъ только въ позднѣйшемъ рѣшеніи едва смогъ опредѣлить надлежащій законъ. Вѣдь если одобримъ первыя узаконенія, то очевидно тѣмъ самымъ осудимъ позднѣйшія, а если отдадимъ преимущество позднѣйшимъ, то первыя конечно признаемъ ниже тѣхъ. Такимъ образомъ Богъ будетъ опредѣлять противоположные законы и, подобно намъ, оказывается погрѣшающимъ противъ должнаго, законополагая то то, то это. Но, полагаю, всякій скажетъ, что приведеннымъ нелѣпостямъ никоимъ образомъ не можетъ подлежать божественная природа или погрѣшать когда либо противъ должнаго.

Итакъ, въ доказательство несравненнаго человѣколюбія Своего приводитъ это изреченіе: „воздающій

грѣхи отцовъ на дѣтяхъ до третьяго и четвертаго рода“. Что человѣколюбивому Богу обычно не тотчасъ наказывать прегрѣшившихъ, а напротивъ — отсрочивать и отлагать наказанія до временъ отдаленныхъ, уразумѣешь изъ словъ Его: „и ярость Мою преисполнилъ, и претерпѣлъ, и не покончилъ ихъ“ (Іерем. 6, 17). И еще въ другомъ мѣстѣ: „еще не наполнились грѣхи Аммореевъ до нынѣ“ (Быт. 15, 16). Видишь, какъ преисполнилъ гнѣвъ свой, ибо нѣкоторые уже совершали наконецъ достойное полнѣйшей ярости, но долготерпитъ какъ Богъ и отсрочиваетъ приводить въ исполненіе свой гнѣвъ надъ оскорбляющими Его. Но чтобы, какъ на доскѣ, начертать тебѣ доказательство сказанному и посредствомъ уже самыхъ дѣлъ удостовѣрить въ томъ, что толкуемое изреченіе служитъ похвалою человѣколюбію Бога, приведу нѣчто изъ содержащагося въ священныхъ книгахъ и изъ самого божественнаго писанія постараюсь доказать, что грѣхи отцовъ переносятся на дѣтей до третьяго и четвертаго рода не несправедливо, но справедливо и заслуженно для подвергшихся этому. По причинѣ длиноты исторіи изложу ее сокращенно.

Итакъ, читаемъ въ третьей книгѣ Царствъ, воцарился надъ Израилемъ послѣ другихъ Ахавъ, который, впавъ въ беззаконѣйшее пожеланіе отнюдь не принадлежавшаго ему виноградника, умервщляетъ владѣльца, разумѣю Навуею, — хотя и не самъ это повелѣлъ сдѣлать, а только не воспротивился упрямству своей жены (3 Цар. 21, 7 сл.). Необходимо долженъ былъ негодовать на это Богъ, потому говорить къ нему чрезъ пророка Ілію: „вотъ что говоритъ Господь: такъ какъ ты убилъ и унаслѣдовалъ, то посему вотъ что говоритъ Господь: на мѣстѣ, гдѣ лизали свиньи и псы кровь Навуею, тамъ будутъ

лизать псы кровь твою и блудницы будутъ мыться въ крови твоей“ (ст. 19). И еще вслѣдъ затѣмъ: „вотъ что говоритъ Господь: вотъ наведу на тебя зло и сожгу за тобою, и истреблю Ахавова мочащагося къ стѣнѣ, и заключеннаго и оставшагося въ Израилѣ,—и отдамъ домъ твой какъ домъ Іераваама сына Наватова и какъ домъ Вассы сына Ахіина за оскорбленія, коими ты прогнѣвалъ Меня и ввелъ Израиля въ грѣхъ. И Іезавели изрекъ, говоря: псы съѣдаютъ ее въ предградіи Израиля, и мертвеца Ахавова въ городѣ съѣдаютъ псы, и мертвеца въ полѣ съѣдаютъ птицы небесныя“ (3 Цар. 21, 21—24). Когда Владыка всяческихъ угрожалъ совершить все это и непремѣнно навести, Ахавъ разорвалъ одежду и, войдя въ домъ свой, какъ написано (3 Цар. 21, 27), сокрушался, проливалъ горькія слезы и опоясалъ чресла свои вретичемъ. И такъ какъ Богъ сталъ питать жалость къ нему, пришедшему въ такое настроеніе, то начинаетъ смягчать гнѣвъ Свой и, какъ бы узду какую полагая на немедленное проявленіе его, говоритъ пророку: „ты видѣлъ, какъ сокрушается Ахавъ отъ лица Моего? Не наведу этого во дни его, но во дни сына его наведу бѣдствіе“ (ст. 29). При комъ же исполнено это, вотъ что слѣдуетъ узнать. Отъ Ахава родился Озія, который „творилъ, говорится, зло предъ Господомъ и ходилъ путемъ отца своего Ахава и путемъ Іезавели матери своей“ (22, 53). Но и отъ Озіи, сказано, родился Іорамъ, о коемъ также написано, что ходилъ „въ грѣхахъ дома Іеровамова“ (4 Цар. 1, 18). Но и отъ Іорама царствовалъ третій Охозія, о коемъ также сообщаетъ историческая книга, что „творилъ зло предъ Богомъ, какъ домъ Ахава“ (4 Цар. 8, 27). Такъ какъ уже настало время для должнаго наказанія дома Ахавова, не пре-

кратившаго нечестія противъ Бога до четвертаго потомка, то помазуются наконецъ царемъ надъ Израилемъ Иосафатъ, сынъ Намеси ¹⁾, который истребляетъ Охозію и съ нимъ Іезавель, истребляетъ и другихъ семьдесятъ сыновъ Ахава, исполняя до конца гнѣвъ Божій, за что и получаетъ честь и благодать. Въ самомъ дѣлѣ, что говоритъ къ нему Богъ? „За то, что ты заблагоразсудилъ совершить правое въ очахъ Моихъ,—и все, что на сердцѣ Моемъ, совершилъ дому Ахава,—сыны четвертые (до четвертаго роду) будутъ сидѣть у тебя на престолѣ Моемъ“ (4 Цар. 10, 30).

Видишь, что дурныхъ (дѣтей) отъ дурныхъ (отцовъ) едва наказалъ въ четвертомъ родѣ, а читателю своему и милость простираетъ до четвертаго рода. Перестань же, Іудей, обвинять божественную правду, ибо въ качествѣ похвалы мы должны принимать слова: „воздающій грѣхи отцовъ на дѣтяхъ до третьяго и четвертаго рода“.

IX. 3. Но да явятся дѣла Божія на немъ.

Трудновато для объясненія и имѣеть много недомѣннаго это изреченіе, -- быть можетъ благоразумнѣе обходить его (молчаніемъ) и оставлять (безъ толкованія) по причинѣ величайшей трудности. Но чтобы, при разрушеніи іудейскихъ догматовъ, другое что родственное тому, какъ бы „какой корень горькій, проросши, не повреждалъ“, по слову Павла (Евр. 12, 15),—вѣдь пожалуй вообразить кто, что чрезъ это тѣла людей призываются къ страданіямъ, дабы въ нихъ являлись дѣла Божія,—то, какъ мнѣ кажется, полезно и на это сказать немного что либо для предотвра-

---

¹⁾ 4 Цар. 9, 14 названъ Іуиу сыномъ Іософата сына Намеси,—а въ 20 ст. Іуиу названъ сыномъ Намеси,—ср. 2 Парал. 22, 7.

щенія могущаго и отсюда быть вреда и для препятствія всякаго доступа ложнымъ умозаключеніямъ. Мы доказали уже, что ни грѣхи родителей не наводитъ Богъ на дѣтей, если только эти непричастны нечестію тѣхъ (выше, гл. I кн. 6 къ 9, 2 — 3), и что кромѣ того не вслѣдствіе предшествовавшихъ (рожденію) грѣховъ бываетъ воплощеніе (кн. 1 гл. 9 къ 1, 9). Удивительнымъ образомъ Христосъ уничтожилъ и отвергъ то и другое, какъ Богъ зная все, вѣрнѣе же—Самъ будучи правителемъ надъ нашими дѣлами и распредѣлителемъ каждому надлежащаго и подобающаго. Вѣдь если говорить, что не согрѣшилъ слѣпой и не подвергся за это ослѣпленію, то объявляетъ безуміемъ считать человѣческую душу повинною въ предшествовавшихъ тѣлу грѣхахъ. А ясною рѣчью о томъ, что ни родители его не согрѣшали, почему и родился слѣпымъ ихъ сынъ, — ниспровергаетъ неразумное мнѣніе Іудеевъ. Научивъ такимъ образомъ Своихъ учениковъ, сколько необходимо было имъ знать, для только что указаннаго нами ниспроверженія догматовъ, — и столько сообщивъ имъ, сколько подобало предложить человѣческому познанію, — умалчиваетъ объ остальномъ и уже не прибавляетъ выясненія причины рожденія слѣпымъ того, кто былъ неповиненъ ни въ какомъ предшествовавшемъ рожденію грѣхопаденіи, усвоивъ одной только божественной природѣ, какъ ея исключительное свойство, вѣдѣніе и распоряженіе во всѣхъ таковыхъ предметахъ. Но весьма искусно опять обращаетъ отвѣтъ къ другому нѣкоему предмету и говоритъ: „но да явятся дѣла Божіи на немъ“.

Итакъ, неужели же, спросить кто либо, и теперь говоря намъ это, Господь высказываетъ догматъ, что только ради того одного тѣламъ человѣческимъ при-

ходится страдать, *дабы явились дѣла Божіи въ нихъ?* Но совсѣмъ этого не представляется, напротивъ — совершенно нелѣпо такъ разсуждать и думать. Не въ качествѣ догмата, какъ пожалуй подумаетъ кто, Онъ говорить это. Что нѣкоторымъ случается страдать изъ-за грѣховъ, объ этомъ мы часто узнаемъ изъ священныхъ писаній. Такъ Павелъ ясно пишетъ въ посланіи къ гѣмъ, кои какъ бы неумытыми ногами осмѣливаются приступать къ божественному жертвеннику и нечистыми и нечестивыми руками прикасаться къ таинству благословенія (евхаристіи): „ради этого у васъ много немощныхъ и больныхъ, и умирають довольно (много), ибо если бы себя самихъ судили, не были бы судимы,—осуждаемые же отъ Господа, наказуемъ „да не будемъ съ міромъ осуждены“ (1 Кор. 11, 30—32). Такимъ образомъ на подвергшихся болѣзнямъ и смерти иногда это страданіе налагается посредствомъ божественнаго гнѣва. И Самъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ, когда освободилъ разслабленнаго отъ продолжительной болѣзни и чудесно явилъ его здоровымъ, „вотъ, сказалъ, здоровъ сталъ ты, не грѣши же, чтобы хуже тебѣ не стало“ (Іоан. 5, 14). Указываетъ этимъ на то, что разъ избѣгши и спасшись благодатью отъ Него, онъ можетъ подвергнуться и подпасть еще худшему чему либо благодаря грѣху.

Но могутъ сказать: согласимся, что это вѣрно. Однакожъ, какое основаніе можно бы указать для объясненія того, что нѣкоторые подвергаются ужаснымъ страданіямъ съ пеленокъ и первыхъ временъ бытія, рождаясь съ болѣзнями уже изъ материнской утробы. Предсуществованію души мы конечно не вѣруемъ, какъ не признаемъ и ея грѣховъ до тѣла. Какъ въ самомъ дѣлѣ можетъ грѣшить еще непризванное къ бытію. Но если нѣтъ грѣха и предшествующаго стра-

данію преступленія, то какую же наконецъ можемъ указать причину страданій?

Безконечно превышающее насъ совершенно недоступно пониманію нашего разума и я совѣтовалъ бы благоразумнымъ совѣмъ отказываться отъ такихъ изслѣдованій (Сир. 21—22),—и прежде всѣхъ самому себѣ. Должно болѣе размышлять надъ тѣмъ, что намъ установлено, а глубинъ не изслѣдовать, трудностей не изыскивать и не пытаться дерзко раскапывать сокровенное въ одномъ только божественномъ и неизреченномъ совѣтѣ, а напротивъ — благочестиво предоставлять вѣдѣнію одного Бога подобающее исключительно только Ему, съ истиннымъ убѣжденіемъ и вѣрою въ то, что, будучи источникомъ всякой правды, Онъ не совершитъ и не рѣшитъ ни по отношенію къ намъ, ни по отношенію ко всякой другой твари, ничего такого, что оказывалось бы не подобающимъ Ему и выходило бы не изъ основъ истинной справедливости.

Итакъ, въ виду такого, намъ подобающаго, расположенія, думаю, что Господь не догматически говорить: „да явятся дѣла Божіи въ немъ“, напротивъ, отвѣтъ на вопросъ Онъ отвлекаетъ какъ бы на другой путь и отъ недоступныхъ намъ глубинъ (вѣдѣнія) переводитъ въ область нравственности. И это довольно обычно для Него. Что это истинно, (для удостовѣренія въ этомъ) выслушай опять, какъ Онъ, когда святые ученики весьма любопытствовали однажды о кончинѣ вѣка и пытались съ сверхмѣрною точностію узнать о второмъ Его пришествіи и преступали подобающую людямъ мѣру,—яснѣйшимъ образомъ отстраняя ихъ отъ такихъ вопросовъ, говорить: „не ваше дѣло знать времена и сроки, кои Отецъ положилъ въ Своей власти, но примете силу нашедшаго Святаго Духа на васъ и будете Моими свидѣ-

телями въ Іерусалимѣ и въ Іудеѣ всей“ (Дѣян. 1, 7—8). Слышишь, какъ отнюдь не позволяетъ намъ искать того, что намъ всего менѣе подобаешь, но увѣщаетъ обратиться къ тому, что было необходимо. Такимъ образомъ и здѣсь, ясно сказавъ о томъ, что надлежало знать, умалчиваетъ объ остальномъ, вѣдая, что Ему только одному подобаешь знаніе объ этомъ.

Но чтобы полнымъ молчаніемъ не вызвать въ нихъ желанія снова спрашивать объ одномъ и томъ же, Онъ искусно представляя какъ бы въ видѣ отповѣди и какъ бы соотвѣтствующій вопросу отвѣтъ, высказываетъ; „но да явятся дѣла Божіи въ немъ“, что другими и болѣе простыми словами можно выразить такъ: не вельдствіе собственныхъ грѣховъ или родительскихъ челоуѣкъ этотъ родился слѣпымъ, но если уже разъ пришлось ему подвергнуться этому, то и въ немъ можно прославляться Богу, ибо если вышнимъ дѣйствіемъ онъ окажется свободнымъ отъ удручающаго его и изнуряющаго страданія, то кто же не подивится врачу? кто не увидитъ въ немъ силу цѣлителя?

Такая мысль, думаю, заключается въ этомъ изреченіи. Разумнѣйшіе пусть истолкуютъ лучше. Если же иные станутъ спорить и утверждать, что челоуѣкъ этотъ родился слѣпымъ для того, чтобы Христосъ прославился въ немъ, то опять скажемъ такъ: неужели, любезнѣйшіе, одинъ только онъ въ цѣлой Іудеѣ былъ слѣпцомъ отъ рожденія во время пришествія Спасителя нашего, и еще уже вообще ни одного другого? Но, думаю, даже невольно согласятся, что было по всей вѣроятности весьма не малое въ цѣлой странѣ множество такихъ. Почему же на одномъ только этомъ или на другихъ не многихъ числомъ Христосъ открылъ Себя или явилъ Свое

человѣколюбіе? Но, думаю, спорить и объ этомъ совершенно излишне.

Итакъ, отвергнувъ сказанное въ началѣ (заблужденіе), какъ совершенно глупое, выскажемъ истинну, именно: открывъ намъ въ этихъ словахъ столько, сколько надлежало знать, Онъ направляетъ Своего ученика къ другому предмету разсужденія, искусно отклоняя его отъ изслѣдованія этихъ словъ.

VIII: 4. Намъ ¹⁾ подобаетъ дѣлати дѣла Пославшаго насъ ²⁾, дондеже ³⁾ день есть: придетъ ночь, егда никтоже можетъ дѣлати.

Вотъ въ этихъ словахъ очень ясно и какъ бы несходительно дѣлаетъ и другой упрекъ ученикамъ, какъ обратившимся къ чему-то другому, а не къ чему надлежало, оставившимъ проѣзжій, торный и удобо-проходный путь и дерзнувшимъ идти по отнюдь не подобавшей имъ дорогѣ. Зачѣмъ, говорить, вы спрашиваете то, о чемъ лучше молчать? Зачѣмъ, оставивъ соотвѣтствовавшій времени предметъ, стараетесь узнать то, что выше человѣческаго ума? Теперь—время, говорить, не для такого изслѣдованія, но для дѣла и

¹⁾ ἡμῶς—важное разночтеніе, предполагающееся и толкованіемъ Кирилла. Оно же имѣется въ $\aleph^*$ В D (ἡμῶς? послѣ δεῖ) L. d. Саг Копт Мемф ed Oxf 1898) Эе (Рим) Сир (іер). Ориг 3, 201. а; 4, 27. с. Макарій Ном 30. 6 (οὐκέτι δύνασθε ἐργάζεσθαι) Ноннъ 10, 19 Иеронимъ трижды (Іерем. 13 Гал. 13 Еккл.) др. Но другіе и всѣ славян. читаютъ: εμε или με: $\aleph$ а или б АСХ др. унц. не мал. 1. 33. 69 прочіе мин, Сир Таціанъ (Ефр. 197 и Сіаска § 36 син пеш геракл Эеіоп Platt. Nilag. 929. а Злат 8, 377

²⁾ Опять ἡμῶς и въ толкованіи согласно: $\aleph^*$ L Копт (Мемф Oxf. 1898) Эеіоп ed Rom. (Ориг. Ноннъ и Иеронимъ не касаются этого второго ἡμῶς. Другіе и слав. всѣ εμε—ме: В D Сир син іер пеш геракл и Таціанъ (Ефр. и Сіаска Іbid.) Саг Копт Ит Вульг Гилар и всѣ, читающіе первое εμε—ме.

³⁾ ἕως—дондеже всѣ слав. согл: $\aleph$ В С³D др. мн. Сир іер (ⲓⲱ) син и пеш (ⲓⲱ) Тац (Ефр и Сіаска) Копт Гот Вульг (denec) Ит (dum а. с. е. ff 1) Ориг 3, 201. а и 4, 27. с Rue. Другіе ὡς—такъ какъ: С* L. 33. Сир Геракл (на полѣ) Итал (сит b. d.) Ориг. 4, 27. с Huet. др.

напряженнаго старанія, ибо напротивъ, думаю, надо оставить любопытство объ этомъ и стараться совершать Заповѣди Божіи;—и такъ какъ словомъ „насъ“ указалъ на апостоловъ, то надо исполнять дѣла апостольства. А если Себя Самого Господь причисляетъ къ посланнымъ и поставляетъ между тѣми, кои должны дѣлать, то говорить это конечно не потому, что Онъ вмѣстѣ съ нами или какъ одинъ изъ насъ по свойственной рабамъ необходимости подчиненъ волѣ владыки, но держится обычнаго и у насъ общепринятаго образа рѣчи. Такъ мы имѣемъ обыкновеніе, особенно когда простая рѣчь не произведетъ впечатлѣнія на слушателей, присоединять и соприсчислять себя къ нимъ, какъ безъ сомнѣнія и мудрѣйшій Павелъ въ посланіи къ Коринѣянамъ перенесъ наконецъ рѣчь на себя и Аполлоса: „а это, братья, я примѣнилъ къ себѣ и Аполлосу, дабы въ насъ вы научились не мудрствовать сверхъ того, что написано“ (1 Кор. 4, 6).

Итакъ, „пока день есть, говоритъ, будемъ дѣлать дѣла Пославшаго насъ, ибо придетъ ночь, когда никто дѣлать не можетъ“. Днемъ называетъ здѣсь срокъ жизни въ тѣлѣ, а ночью—время въ состояніи смерти. Такъ какъ день назначенъ для дѣлъ, а ночь для бездѣйствія и сна, поэтому время жизни, когда должно дѣлать добро, говорятъ, есть день, а ночь—время въ состояніи почиванія, когда совсѣмъ нельзя ничего сдѣлать, „ибо умершій оправданъ (освобожденъ) отъ грѣха“, по слову Павла (Римл. 6, 7), по невозможности что либо совершать оказывающійся и внѣ грѣха.

Знаетъ безъ всякаго сомнѣнія божественное писаніе и въ другомъ смыслѣ день духовный, какъ и другую отличную отъ этой, ночь. Но каждому изъ этихъ родовъ толкованія свое время и мѣсто, благодаря